

Фёдор Быханов

Про Ерёму и Фому

Плутовской роман в стихах

18+

Фёдор Иванович Быханов

Про Ерёму и Фому

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41893638

SelfPub; 2019

Аннотация

Самые обычные односельчане, но с необычной судьбой, насыщенной приключениями, юмором и остроумным решением, встающих перед ними, проблем, представлены в плутовском романе в стихах Фёдора Быханова "Про Ерёму и Фому". За что бы они ни брались, всё получается не так, как было задумано. И всё же именно на таких мужиках, как эти друзья, держится наше общество, где всегда есть место добродушной улыбке, побеждающей любые козни недоброжелателей.

Содержание

Похмелье	5
Моржи	7
Без обмана	10
Кроссворд	12
Баснописец поневоле	14
Невежда на посту	15
Котелок экономиста	17
Дворник с «Дипломом»	19
Порубщик	20
Банкрот	22
Новобранец	23
Завистник	25
Белое и чёрное	27
Наследник	29
Второе лицо	31
Звонок без подписи	33
Цветовод	35
Семечек кулек	37
Солдатская еда	39
Чистый двор	41
Подарки	43
Скайп и мусор	45
Каскадёр	47

Профилактика	49
За чужой счёт	51
Пропагандист	53
Кормушка	55
Диета	57
Тяпка по закону	59
Утоление жажды	61
Маёвка	63
Защитник	65
Грибники	67
Дурман	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Похмелье

В Год Лошади уместно вспомнить Савву.
Морозова, который в веке прошлом,
Хотел кобылу напоить на славу
Вином шампанским. И вполне хорошим.
Но от вина Савраска отказалась
И, чтоб не наступить на те же, грабли,
Подвел итог Морозов, мол, досталась
Планида всем – с утра не пить ни капли!
Жаль, в веке нынешнем забыт весь опыт прошлый:
Чуть свет Ерёма ищет опохмелку.
Под бой курантов был такой «хороший»,
Что угодил в большую переделку.
Все истребил – в бутылках, банках, бочке...
Горело что, в себя он опрокинул.
А Новогодняя закончилась лишь ночь,
Веселый нрав его совсем покинул.
Пустую тару повернул вверх донцем:
По капле «выжимал» себе «лекарство»,
Пока не поднялось на небо солнце,
Открыв в округе магазинов царство.
Опять отправился Ерёма за товаром.
На сбор акцизный он не поскупился.
И на столе опять его – навалом

Того, чем накануне отравился.
На хлопоты такие, грустно глядя,
С календаря лошадка запросила:
– Лечи порок свой, непутёвый дядя,
Лишь в трезвости – достаток, ум и сила!

Моржи

Там где тепло – не нужно и рекламы,
Любой готов понежиться в тепле,
Да ещё выслать с места телеграмму:
«Я в тропиках. Завидуйте все мне!»
В сибирской стуже загорать не модно,
Иные здесь привычки у людей:
Нырнуть из бани прям на дно сугроба,
Не пожалев распаренных костей!
Лишь у Фомы не в банный день потребность.
Ему и в будни холод нипочем.
Доказывает организма крепкость,
Когда на лёд выходит нагишом.
Ерёма слышал про такое байки:
«Так с жиру бесятся, вкусив аперитив!»
А вот его заставить снять фуфайку
Не сможет и хоккейный коллектив...
Моржей в пример поставил как-то доктор
И закаляться долго убеждал.
Но с места, где и холодно, и мокро
К печи домой Ерёма убежал.
А тут приятель, что ни день – на речке.
Сначала рубит прорубь он во льду,
А после, словно каша там из гречки,

Ныряет в ледяную глубину.
В крещенские морозы так бывает –
И стар, и млад к студёной льнут воде.
А этот – с осени и до весны ныряет,
Хоть ему кол теши на голове.
Секрет узнать, конечно, не проблема –
Достаточно с пристрастием спросить,
Ведь, не Ферма же это теорема,
Какую невозможно ввек решить?!
Но твёрд Фома в своём пустом упрямстве,
На все подходы отвечает: – Нет!
И точно преуспеть сумел в проворстве,
С каким со льда метлой сметает снег.
Все ж любопытству не найти преграду,
На все пойдёшь, чтоб душу червь не ел.
Нашел Ерёма верную награду,
Коль ему скажут всё, что знать хотел!
Не выдержав такого искушенья,
Фома у проруби стакан налитый взял,
Да и Ерёма здесь же, без стеснения,
Его в распитии охотно поддержал.
Жаль, маловатым было подношенье:
На свежем воздухе потребности – вдвойне!
И тут Фома исполнил обещанье:
– Вторая поллитровка здесь на дне!
Утопла прошлым летом на рыбалке,

Никак не получается достать...

Так что Ерёму тоже из-под палки

Не заставляли – сам пошел нырять!

Без обмана

В селе живут Фома с Ерёмой – рядом.
Дома благоустроены у них.
А потому, за свет и воду с газом
«От сих» платить приходится «до сих»!
Ерёма – прост, на малом экономит,
Не тратит на подписку денег он.
Его калитку стороной обходит
Со свежую газетой почтальон.
А вот Фома – тот в мелочах не жаден,
Зато в большом – не станет уступать.
А потому житейских много ссадин
Уже успел успешно избежать.
...Сидел Ерёма вечером под скуку,
А тут гадалка с картами в руках,
Кричит ему: – Позолоти мне руку,
Я просвещу тебя во всех делах!
Тот и горазд червонцами швыряться,
Отдал ей всё, что прежде накопил.
Готов и дальше был он разоряться,
Да, проходимки след уже простыл...
Потом явился дядя в черном фраке,
И счет принес за перечень услуг
Такой, что заплатив, остался в майке

Ерёма от финансовых потуг.
Пошел к Фоме, чтоб жалобой растрогать.
А тот ему смеется озорно:
– Гадалку не пустил я до порога,
И счет большой не принял заодно!
Ведь, про уловки знаю все на свете,
Меня «районки» номер просветил!
И за услуги был тариф в газете,
Чтоб ни копейки лишней не платил!
Вздохнул Ерёма. Майку на колени
Он натянул, стыда чтоб избежать.
Пошел подписку оформлять без лени:
– С ней выгоднее всем существовать!

Кроссворд

С утра ломает голову Ерёма:
Из-за кроссворда зол на целый свет:
Его вчера он взял с собой из дома,
Когда пошел дежурить на объект.
Коль сторож, то обязан знать ответы
И в клеточки вписать, сколь нужно, букв.
Но от раздумий некие субъекты
Вдруг оторвали, обступив вокруг.
Один просил: – Отлей ведро солярки,
Что тракторам без дела зря стоять?!
Другому – дверь открыл он у столярки,
Чтоб мог в охапку штапиков набрать.
Что охранять Ерёме поручили,
Прекрасно ведали просители. И вот:
Ни в чем они отказ не получили,
И не один не устоял замок.
Все – не «За так», конечно, отпускалось,
Поллитру с закусью – по таксе точно – брал.
Но все-таки почувствовал усталость,
Когда свой пост другому передал.
Тому полегче, выдалась работа:
– Что караулить, если склад пустой?
Всем что имелось – одарил кого-то,

И можно полк устроить на постой.

Так что ж в печали сторож пребывает?

Что от проделок собственных не горд?

В ответ Ерёма кулаки сжимает:

– Украли жулики, мой собственный кроссворд!

Баснописец поневоле

В час, когда скука одолела,
Совсем не плохо, вспомнить школьный срок.
Ерёма помнит, как ему велела
Училка: – Вызубрить две басни на урок!
Но текст чужой не лезет в оба уха,
Не остается прочно в голове,
Вот и решил Ерёма: – Сам – складуха!
Мне сочинить – как плюнуть на песке.
И текст пошел, простой в употребленье,
Учить его – не голову ломать!
И доморощенный процесс стихосложения
Решил с тех пор уже не забывать...

Невежда на посту

Событий череда спешит неумолимо.
И не успеть за ней, коль этой страсти нет!
Однажды так Медведь, остался без малины:
Газету не читал и насмешил весь свет!
Все началось с того, что Мишке пост достался,
В лесу он получил – берлогу и мандат!
Поверили ему. Не зря, вед, «обещался»:
– Улучшить всё вокруг, как минимум, стократ!
И вот уже ходить привык он по паркету,
И слышит предложение – простое, без затей:
– Пора бы подписаться, Топтыгин, на газету!
А то не будешь знать последних новостей...
Цена – не велика. Но – еще меньше совесть.
– Сам знаю всё про всех, – ревет Медведь в ответ.
И началась с того его заката повесть,
Ведь, как, не зная лес, вершить лесной совет?
Жужжит пчела с полос, на фото– время мёда!
Зайчишка сообщил: – Идёт морковка в рост!
Не ведая, что «Сам», недавний непоседа,
И летом (как зимой), уткнул свой в спячку нос...
Закончен сбор грибов, поделены орешки...
Всяк знает, что собирать, прочтя пяток статей.
И только невдомёк безграмотному Мишке,

Что мимо жизнь идёт, хоть ты его убей!
Пришла уж и зима. От чтения всем польза:
И сытно, и тепло, кто знал свои права.
Один Медведь грустит: – Повсюду стало скользко!
Отстала от других невежды голова.
Берлогу уступить пришлось ему с паркетом,
В малинник, да и тот Топтыгин опоздал.
Не раз уж пожалел, что не читал газету,
И то, чем жили все, он так и не узнал!
Мораль проста как мёд на деревянной ложке:
– Кто вести с мест проспит, браздов упустит нить!
Газета, это вам, не буквы на бумажке,
А знания того, как всем счастливей жить!

Котелок экономиста

Сберкнижка прежде денежки копила.
Теперь на карточку идут рублишки – в банк.
Но Фомку перемена не смутила.
Фома самоуверен словно танк!
О накоплениях помалкивает хитро,
Блюдет экономический секрет.
Но что живет зажиточно – всем видно.
Его коттедж – шикарней всех окрест.
Все под рукой у Фомки на усадьбе:
Электропечь и та с чужих земель!
К его душевной есть еще усаде
Пруд во дворе, где плещется форель.
Нет даже счета – домыслам и мифам
Про тот Фома коммерческий талант.
А он всего – не платит по тарифам.
Получку всю несет скорее в банк.
Пока другие – воду, свет оплатят,
Купив на сдачу ливерки кило.
Глядишь, Фома родные уж катят
По улицам в сверкающих авто.
Но подошел конец такому чуду.
Пришли взыскать долги за много лет.
Кран перекрыли, нет воды для пруда.

Обрезан газ, а вместе с ним и свет!
Теперь в обед лишь слезы вытирает.
Костерчик во дворе соорудил,
Куда купюры пачками кидает,
Которые когда-то накопил...

Дворник с «Дипломом»

К «Диплому» прежде «ромбик» выдавали:

Значок с винтом – об окончании ВУЗа!

Его же «поплавком» все называли,

Мол, на плаву удержит как медузу!

Но доверху все изменилось снизу,

Номенклатура канула в былое.

И где карьеру делали подлизы,

Теперь в почете качество иное.

А если нет ни опыта, ни знаний,

«Дипломов» не поможет даже стог!

И кадровик, без всяческих терзаний,

Укажет неумехе за порог!

Кто бил баклуши, должность исполняя:

– Бери метлу, лопату и ведро!

Вот и в природе – шелуха, слетая,

Являет миру истины зерно...

А что «Диплом»? И он сгодиться может,

И крепко двоечник давно усвоил то:

На крынку «корочки» ненужные положит,

Не лезли мух, чтобы в молоко!

Порубщик

Про зиму всякий точно знает сразу:
– Случится лютый, словно волк, мороз!
А потому и в дровенник припасу
Хозяин добрый на сезон завёз.
Другой углярку – до краев наполнил:
– Чтобы в очаге не шаял, а горел!
И остальным примером сим напомнил,
Что топливо – важнее прочих дел.
Лишь Фрол за лето пальцем не ударил.
Все пил-гулял. С дружками и один...
И только первый заморозок вдарил,
От холода дрожит как сто осин.
Еще жена взяла его на приступ:
– Чем печь топить? Морозная заря!
Топорик взял. И за селом по хлысту
Срубил сосны с березой втихаря.
Но не успел огонь из них спроворить,
Как был нагрет на месте лесником.
Был суд. И с приговором не поспорить:
– Год просыпаться точно со звоном!
Там не замерзнуть – где труды «за пайку»!
Да и в бараках топят в зимний день.
Но Фрол не раз, слезу смахнув утайкой,

Корил себя за собственную лень.
Из мест «не столь далеких», возвратившись,
Теперь стал Фрол ученым поделом,
Столь дров купил, что можно, помолившись,
Топить ему, родне и всем селом!

Банкрот

Прослыл Ерёма – «знатным грамотеем»:
На все что хочешь, полный даст ответ!
И чуть не оказался богатеём,
Когда за деньги стал давать совет.
Кому понадобились цены на дровишки?
Иль: – Как отвадить с грядок саранчу?
Гони тот час по таксе свой рублишко,
Расскажет всё: Что? Где? И почему?
Но жизнь прожить – не пожевать конфету.
С простым ответом затруднился он.
– Забыл продлить подписку на газету,
Где черпал новости! – поведал почтальон.
И потянулись к почте уж с рассвета,
Все кто к Ерёме уж привык ходить.
Теперь у каждого – районная газета,
Чтоб за советы больше не платить!

Новобранец

Не хворый кто – имеет право
Священный долг – стране отдать!
Там где «налево» и «направо»
Научат строем всех шагать...
Иван так Бровкин стал построже,
Когда присягу исполнял.
Максим Перепелица тоже
Отличником на службе стал.
Они – из фильмов. Каждый знает,
Как дорог киноленты метр,
И все же долго провожают
Их на экране – под оркестр.
Так раньше было. И по праву
Гордились Родиной бойцы.
Служили верно и на славу,
Как деды, прадеды, отцы.
Призыв и нынче тот же самый,
Вновь из села в военкомат
Идет такой же славный малый,
А вот оркестры не звучат.
Не провожают больше в Клубе,
Не чествует и сельсовет.
Всплакнет лишь та, кто очень любит.

И год его в деревне нет.
И вот прошли снега, метели...
Вернется он назад. Вопрос?
Где проводить не захотели,
Глядишь – встречать не довелось.
В запас уволившийся воин
Решает сам свою судьбу.
Своим селом чтоб был доволен:
Устроим провода ему!

Завистник

Фома в рыданиях – словно кроха,
Хотя и взрослый он мужик.
Народ в тревоге: – Что, друг, плохо?
Слёз – будто ими бьёт родник?
Сочувствуют ему соседи,
И знать хотят причину бед:
– Иль теща погостить приедет?
– Или разбил велосипед?
– А может, щёки от мороза
Краснеют, словно буряки?
Не отвечает. Только слёзы
Мотает он на кулаки.
– Иль дом сгорел с трубою вместе?
Вор свёл корову со двора?
Фома в ответ: – Ко мне не лезьте,
Иная у меня беда!
В избе всего навалом, братцы!
Тепло одет. И сыт пока.
Но, должен всё-таки признаться,
Что зря отлёживал бока...
Не шел на ферму или в поле,
Чтоб набивать мозоли там.
Была в страду роднее доля –

Пристать в обед лишь – к едокам!
– Горюешь, знать, об ожиренье?
И сбросить, как не знаешь вес?
Он снова в слёзы. Знать, мученье
Не в том скрывает интерес.
Всё прояснил Ерёма: – Вон же,
Мой на «Доске почёта» лик!
Фома увидел и не может
Унять завистливый свой бзик.
Не плачь, приятель, есть работа,
Есть грабли и лопата к ним.
Добейся сам себе почёта,
Чтоб не завидовать другим!

Белое и чёрное

Любой сосуд, наполненный частично,
Способен породить, порой, конфликт,
Какой и погасить проблематично,
И по итогам вынести вердикт.
...Фома, в бутылку заглянув с опаской,
Промолвил, в кислой mine рот кривя:
– Пуста наполовину! Всё тут ясно,
Не повезло с находкой мне, друзья...
Ерёма ту же ёмкость на просвете
Всю разглядев, с улыбкой произнес:
– Наполовину полная! И в свете
Нет повода, чтобы повесить нос!
Казалось, за одним столом сидели,
Но с разным настроением ушли:
Глаза Ерёмы лишь повеселели,
А у Фомы – суровость обрели.
И так – во всём, за что они возьмутся:
Один и малое использует ладком,
А у другого – гвозди только гнутся,
Когда с досадой бьёт их молотком.
Идут по улице. Ерёма рад ненастью:
– Дождь – целый день, знать – влага на полях!
А у Фомы опять стряслось несчастье:

– Худая крыша. Сырость в закромах...

И поделом напасти для зануды:

– Беду не каркай, плачем и тоской!

Не быть в достатке до тех пор, покуда,

Всем недовольный, манит за собой...

Будь оптимистом и удачу сыщешь,

Весной запахнет и осенний лист!

Так что напрасно недостатки рыщет

Фома-неверующий, унылый пессимист.

Наследник

Давно Фома с деревней распрощался,
Квартира в городе получена им в срок,
Но кто бы из родни не обращался,
К себе не пустит даже на порог.
А тут внезапно сам в село приехал.
Домчал автобус – к отчему двору,
Где встречи щедрой выдалась потеха –
И хлеб ему подали, и икру!
Друг детства навестил его – Ерёма.
Узнать: – Зачем визит тот предпринял?
Ему Фома, прям на крылечке дома,
Как на духу, все толком рассказал.
Мол, в телевизор дедушку увидел –
Снят репортаж был к праздничному дню,
Что был в работе тот – колхозной лидер,
Теперь живет на пенсию свою.
Фома и понял: – Почести напрасны,
Коли нельзя в карман их положить!
А дедушка был партизаном красным
И мог бы в городе, а не в деревне жить!
– За тем приехал, чтобы прав добиться, –
Сказал Фома и строго губы сжал. –
Просить себе не смог раз дед решиться,

Так я заступником для ветерана стал!
Всё получилось – лучше не бывает:
Для партизана ордер выдан был,
Но он в селе, как прежде, проживает,
А о приезде внука позабыл.
Пока Фома не выбрал день приезда,
Теперь явился в собственном авто:
Купил его, продав квартиру деда,
И вот опять хлопочет за него!

Второе лицо

Немало символов имеется двуличья.
К примеру – Янус с двойственным лицом.
Одним он в будущее смотрит для приличья,
Другим на то, минуло что с концом.
Но не нужны нам мифы не простые,
Чтоб раздвоенья разглядеть полёт.
И в современности имеются такие,
Кто разноликим часто предстаёт.
...Был макияж основан Древним Римом?
Не важно – в Греции ль придуман тон для скул.
Зато культура ежели под гримом,
Тогда кричать пристало: – Караул!
Специалист с «Дипломом» уважаем
В селе и в городе, на службе и в быту.
Но всё же – по поступкам провожают,
Хотя встречают часто «по посту».
Определитель есть таким натурам.
Зовётся очень просто – «Телефон».
Лишь речь завел и видно – нет культуры,
А так же то, что явный пустозвон...
Упрёков полон разговор различных.
А то и в крик безудержный пойдёт.
Так что без слов – площадных, неприличных

До валидола точно доведёт.
Таких персон, на счастье, не громада,
Но и одна – «всё стадо подкузьмит!»
А потому следить за речью надо
В прямой беседе или кто звонит.
Иначе не помогут и белила
Скрыть скверный нрав и хамское нутро.
Как бы за то, чем «мама наделила»
Ответить время вдруг не подошло!

Звонок без подписи

Фома о многом знает «точно»,
А что не знает – так приврёт.
– Для связки слов, а не нарочно!
Всяк говорун его поймёт.
Но суть не в том, что знает малый,
А в том, что не хранит слова.
Случись лишь повод мелкий самый –
Его раздует до слона!
Тем более, что ротозеи
Готовы слушать и внимать,
Не зная – ловко как затеи,
Фома умеет излагать.
Не с глазу на глаз, все ж вещает:
По телефону, в основном.
Вот и не каждый понимает,
Принёс, что телефона звон.
Фома начнёт, как весть, от печки:
– Желаю всем, мол, лишь добра...
Во мраке он, подобен свечке,
Какую, любит мошकारа.
Вдруг, да возьмут всерьез, на веру,
Все сообщенья от него:
– Знакомый спёр кусок фанеры,

А этот – стырил долото!
Соседка самогонку гонит.
Мужик её – в ночную темь
Кормов чужих не проворонит...
И в том же духе дребедень.
Ведь, мер принять на эти вещи,
Никто не сможет, так и знай.
Фома, ведь, фактами не блещет –
Без доказательств краснобай.
А чтоб пол локотки не взяли,
За клевету не привлекли,
В «сигналах» нет одной детали,
Хоть ей не зря пренебрегли.
Фома свой адрес не озвучит:
– Сказал, что люди говорят!
«Отбоя» слышен звук певучий,
Когда представиться велят.
Прошло у анонимок время:
Читать такое – не резон.
Не пишет писем пустомеля,
Зато изводит телефон!

Цветовод

Цветок в руке – серьезней даже стопки.
С ним поздравленье – круче и щедрей!
А потому успешней нет наводки,
Чем адреса любых оранжерей.
– Да вот беда – кусаются цветочки!
Давно в том убеждается Фома.
Не счесть того – в рублёвых сколь листочков,
Ему на праздник «выльется» жена!
Вот отчего не ждал прихода марта,
Ещё по осени на рынке прикупил
Семян цветочных. Посадил с азартом
И гидропонику к горшкам соорудил.
Свет – из окна. Вода – бежит по трубкам.
Вот-вот бутоны можно ожидать.
Жаль, только нос привык давно к «зарубкам» –
Не смог тревогу вовремя подать.
К Фоме нагрянули и обыск учинили.
Он, оказалось, вырастил на дню,
То, что давно и строго запретили:
Мак и его подружку – коноплю!
Рассаду вредную изъяли. И не только.
Дверь опечатали в ту комнату, где он
Цветы выращивал, о чем жалеет горько

И ждет суда, как самый страшный сон.
Ерёма-друг в свидетели подался
И на процессе доказать сумел,
Что друг-Фома для праздника старался
И злого умысла нисколько не имел.
Защита эта помогла серьёзно.
Был и с работы добрый ходатай.
И приговор звучал совсем не грозно:
«Штраф государству только лишь отдай!»
Был очень счастлив бывший подсудимый,
Что миновала лагеря межа.
Но вновь проблема: – На цветы любимой
В записке не осталось ни гроша...
Вновь спас Ерёма и не взял монету.
Он из штрафной квитанции скрутил
Такую оригами что букету,
Ни в чём его цветок не уступил!
Вошел Фома поздравить дорогую.
Но без того лучится счастьем та,
Ведь зелень нарвала в горшках такую,
Какую нужно было для стола!
С тех пор жене Фома берёт на рынке
Голландские роскошные цветы.
На подоконнике его ж, как на картинке
Растут к восьмому марта – огурцы!

Семечек кулек

Коль разговор заходит о культуре,
Фома находит нужные слова.
Отмалчиваться – не в его натуре,
А мыслями – забита голова.
Так и случилось около «Сельмага»,
Где ждали продавщицу земляки:
– Чтоб не опаздывала, мы пошлём бумагу,
Пусть прохлаждаться будет не с руки!
– Пусть пропесочат, милочку, в газете! –
Продолжила старушка с костылём.
– А то молодки попривыкли эти
Бродить всю ночь под песни с женихом!
– Поднять пора торговую культуру! –
Поддакнул конюх, в ожиданье зол.
– Не зря сдавал я сам макулатуру,
Как мне велел когда-то комсомол!
– Газета точно – выручит, поможет!
Народ пришел к консенсусу в конец.
И лишь Фому сомненье нынче гложет:
– Зря, бабы, так! Ведь, гласности – конец!
Насторожились односумки разом,
С кем в очереди мужичок стоял.
– Я собственным всё это видел глазом!

Фома всё в том же духе продолжал.
– Теперь не пишут про дела колхозов,
Не критикуют магазинный люд,
Не скажут, сколько вывезли навоза –
На поле, где подсолнухи цветут...
– А что же есть на полосах газетных? –
Спросил старик, ушей нацелив мхи.
Слов несколько тот вымолвил заветных:
– Печатают теперь одни стихи!
И в доказательство достал он из кармана
Измятый лист газетной ширины.
– Одни стихи! – он произнёс упрямо.
– Нет ничего! Кругом одни стихи!
Тут продавец, полемику нарушив,
На собственный рабочий пост пришла.
Не была девушка в то утро, ведь, баклуши –
Товар свежайший людям принесла!
Газеты – пачкой, прямо на прилавке.
Их быстро расхватал честной народ:
– Вот новости о – молока поставке!
А вот про то, колхозник как живёт!
Смущён Фома, что оболгал газету –
Весь номер целиком он не читал,
Обрёл страницу со стихами эту,
Когда в ней семечки на рынке покупал...

Солдатская еда

Есть день такой, когда любой мужчина
Орлом себя считает и звездой,
И даже есть конкретная причина –
Ему вручить подарок дорогой!
Вот и Фома с Ерёмой – не раззявы!
В колхозе к ним все отнеслись с душой:
Друзьям открытки дали и халяву –
Набор на праздник – с красною икрой!
Все остальное прикупили сами.
И по пути к тому, кто ближе жил,
Вдруг, увлеклись до хрипа словесами.
Заспорили: – Важнее кто служил?!
Фома в танкистах исполнял «Уставы».
А потому броня ему милей,
Чем ежедневные «конхветки и какава»,
В штабах, чем забавляли писарей...
И у Ерёмы те же все привычки –
Заискивать пред теми не готов,
Кто не перловку ковыряет спичкой
После обеда из своих зубов.
– Я, брат, в окопе молодость потратил!
Фоме поведал он как на духу.
– В пехоте мы все были словно братья,

Шинелку не меняли на доху...
За разговором, приняли, что было,
Подарочным набором закусив,
И оценили: – Разве это диво –
Икра и прочий дармовой мотив?
– Вот бы умять тушенки с концентратом,
Как повар наш один умел варить!
Сказал Фома и тут же – на попятный:
– Хоть забывал, порою, посолить.
– А наш хозяин ротной хлебoreзки
С консервами так супчик нам варил,
Что лишь звенели за обедом ложки! –
Вздыхнул Ерёма и слюнку проглотил.
Но есть конец всему, как и тропинке –
Фома к Ерёме погостить зашёл.
А там – обещанная загодя картинка –
Супруги их накрыли общий стол.
И щи сметаной радуются щедро,
Чуть видно под котлетами пюре.
Да, что сказать, живут в селе не бедно,
Кто на колхозном трудится дворе!
За разносолы оба чинно сели.
Подняли тост: – За кухонный наряд!
А женщины с улыбкою смотрели,
Как их защитники про службу говорят!

Чистый двор

Зимою снега у Фомы не просят.
И этот факт ему не по душе.
Весь двор – в сугробах, что метель наносит
До дверцы на чердачном этаже.
Так что жалеет, что снежок – не сладость,
А потому – не нужен никому.
Но самому лопату взять – не в радость.
И снег кидать не хочется ему.
Сосед Ерёма (что уж тут лукавить),
Вмиг оценил, проблемный сей момент:
– Опять весной во двор к нему направит
Свои ручки беспутный элемент...
Сам он такого позволять не смеет:
На огород снежок стаскал давно,
Чего Фома никак не понимает,
Хоть наблюдал за этим он в окно.
Тогда как солнце не даёт надежду
На то, что припозднится вдруг весна.
Уже в демисезонную одежду
Принарядилась с улицы толпа.
Но вот однажды, в час послеобедний
Раздался стук. И уж Фома не спит.
В окошко глянул на своих соседей,

А там Ерёма короб мастерит.
Листы фанеры сшил он аккуратно.
Не пожалел гвоздей на стенки он.
Затем на крышке адресок обратный
Написан был роднейшей из сторон.
– Зачем, приятель, ёмкость из фанеры
Тебе такая, срочно вдруг нужна?
А тот ответил хитреньким манером:
– Заказан ящик из-за рубежа!
Там гонки лыжные наметили по плану,
Да только снег не выпал. Хоть – убей!
Я им по почте за большую плату
Сугроб и вышлю без больших затей!
– А можно мне немножко бандеролей
Туда ж отправить лучшего снежка?
Спросил Фома и словно шайка троллей,
Набил он снегом тридцать три мешка!
Чист двор как стёклышко – сугроб вошел в программу.
Но огорчил соседа кислый вид:
– Пришла, мол, от буржуев телеграмма:
«Снег им не нужен. Свой – кругом лежит!»
Но похвалил за «бандеролей» груды:
– Они для грядок – лучшие дары...
И засмеялся: – В половодье будут
У нас с тобой, сухие, друг, дворы!

Подарки

Когда галантный весь товар сметают,
Совсем не нужно в численник смотреть.
– 8 Марта! – всякий муж смекает. –
И без подарка тут не уцелеть!
Фома с Ерёмой были холостыми
Давным-давно, что тут уж говорить,
А потому заботами своими
Кого угодно могут прослезить...
Вот как случилось прошлою весною
Поздравить жён заботливым мужьям:
Была дорога за подарками прямою,
Пока не встретился Зелёный змий друзьям.
...Пошел Ерёма, вытряхнув копилку,
По магазинам, где подарков – тьма!
А тут навстречу, сжав в руках бутылку,
Идёт обратно радостный Фома.
Ерёме пьянство – не всегда желанно
И колобродить нынче не с руки:
– Подарок, ведь, не куплен, окаянный,
Как сделали другие мужики...
– Ты не бойсь! – Фома ж и успокоил.
– Давай, за праздник выпьем от души,
Я, брат, давненько истину усвоил –

Как выпьешь – все подарки хороши!
Поллитра быстро донце показала.
Ещё друзья сходили за одной.
Когда ж и той им показалось мало,
Уж ночь была – вся в звёздах и с Луной.
Про то, как праздник проходил семейный,
Не скоро им рассказывать пришлось.
Фоме попал по голове сотейник,
Ерёме чайник выдержать пришлось.
Обиженная женщина – тигрица,
Еоль пьяный муж подарок не принёс.
За праздник свой такая будет биться,
За феминизм расквасит, точно, нос!
...Год пролетел в трудах, а не в горячке.
Раскаялись друзья – от сих, до сих!
И вот уже они опять заначку
Пошли на жён потратить дорогих.
Фома купил её мягкую игрушку,
Набор посуды пластиковой взял,
На голову пуховую подушку
С утра 8 Марта привязал.
Ерёма поступил совсем иначе:
Сковороду жене решил купить,
Чугунную – на всё, что сам значил:
– А что бояться, если бросил пить!

Скайп и мусор

Любому мусору одно присуще свойство –
Накопится и некуда девать!
Так что Фомы понятно беспокойство:
– Он в чистоте желает проживать...
И тратиться не хочет на оплату,
В село приезжих, мусорных машин.
От них калитку запер на лопату.
А ночи ждать – причина из причин.
Едва стемнело, на крыльцо выходит.
Калитку открывает широко.
Пока Луна за тучами лишь бродит,
Несёт свой мусор тропкой за село.
Там свалка – всем, как притча во языцех:
– Есть и запрет, и штраф берут сполна!
Да только наберешься ли полиций,
Столь, чтоб пресечь, таких вот, как Фома?
Вот и теперь побрел он как лунатик,
В привычный – «тайный свалочный поход».
Но прямо у калитки: – Вот вам! Натё! –
Стоит, чужим наполненный мешок!
Подумав с неприязнью про соседей:
– Подкинули, мол, мусор свой ему!
И куль второй отнёс, где был намерне,

Где пакостить – нет права никому...
Опять Фому не видела деревня.
Вернулся чин по чину в дом к себе.
А днем случилась горькая обедня –
Пришли со штрафом к ушедшему Фоме!
Как оказалось, мусорную кучу
Пополнил ночью, кто-то, втихаря,
Оставив там компьютерную штучку,
Способную снять даже глухаря...
С веб-камеры сигнал скачал Ерёма
И разглядел, как мусорил Фома.
Так что того и навестили дома,
Послушать, чтоб, раскаянья слова.
А у Фомы – уж шишки на затылке.
Как оказалось, тёща для него
С автобусом отправила посылку,
Чтоб в скайпе зятя видеть своего.
Водитель, торкнувшись в калитку на запоре,
Мешок оставил прямо на земле...
Есть штраф, и тёща тоже будет вскоре –
Без скайпа высказать всё бедному Фоме!

Каскадёр

Своя машина многому научит,
А если не сподобился купить,
То пешкодрал усталостью замучит,
Вавтобус, коль не поспешил вскочить.
Успел Ерёма взять билет в дорогу.
Путь из села до города лежал,
Чтобы товаров разных понемногу
Купить недорого, жене как обещал.
В момент последний – дверь уж закрывалась,
В салон вскочил, запыхавшись, Фома.
Его «Тойота» личная сломалась
И ждали в городе ремонтные дела.
Чтоб скоротать за разговором время,
Припомнили приятели ладом
Кино, в котором кирпичи о темя
Крошил десантник – грубый костолом!
– В реальности такого не бывает! –
Сошлись они во мнении в конце.
– То каскадёр талант свой проявляет.
Простой артист там был бы не жилец!
– А платят столь, за трюков постановку,
Что и считать те деньги надоест! –
Сказал Фома. И словно съел морковку,

Так замелькал за окнами окрест.
Назвать – «лихой», ту набранную скорость,
Язык не повернётся никогда,
И шевелюра поседела малость,
И чуть заиками не сделались друзья...
Особенно когда водитель взялся
По телефону весело болтать.
И он же, от руля слегка подался,
Из бардачка чтоб курево достать.
Автобус мчит извилистою трассой,
Вот-вот готов столбы пересчитать.
Забыл Фома про фильмы и про кассу.
В сердцах Ерёма начал причитать.
Да разве лихача пронять мольбою?
Водитель пассажиров отчитал:
– Терпите, раз поехали со мною!
А сам ногой на газ сильнее нажал.
И всё ж доехали, сменили хоть окраску.
И в городе Ерёма не плошал –
Он целый день надёжнейшую каску
На рынке до отъезда выбирал!
С тех пор, когда село он покидает,
Ерёма, вместе с каскою берёт
Двустволку. И водитель уважает –
Внимательно и чутко всех везёт!

Профилактика

Весенним днём – не только пахнет снегом,
Не только лужи встретишь на ходу,
Всегда за оттепелью ожидают следом:
Простуду, грипп и прочую беду.
Вот тут, как раз и следует напрячься,
Профилактические меры применить.
Иначе от бациллы, как ни прячься,
Любой разносчик может заразить!
Чтоб грипп не стал здоровья хитрым вором,
В колхоз был мудрый лектор приглашён.
И в клубе, где собрался полный кворум,
Он час пугал, грозя карандашом:
– Все, кто не будут снадобьям вниманья,
Так уделять, чтоб хворь не подошла,
С температурой (прочим в назиданье)
В плен попадут «Больничного листа»!
Еще советовал: – Налечь на витамины,
Чеснок и лук не морщась всем вкушать!
...Затем пришла за лектором машина
И все забыли, как его и звать...
Ерёма, лишь, на ус мотал советы –
Набрал в аптеке разный он товар
И ну жевать пилюли, как конфеты,

И пить кастрюлями полезных трав отвар.
Да и Фоме: – Болеть не очень надо!
Чтоб уберечься от заразы, он
В чеснок влюбился, как пираты – в клады!
Так им пропах, что: – Прочь, одеколон!
Однако встретились приятели в больнице,
Где пролежали оба – до тепла.
Вот там и захотели поделиться
Тем, как болезненная участь их нашла...
Ерёма отравился, съев таблеток –
Горсти четыре за один присест!
И не читал, к тому же, он пометок,
Что на коробках сделал фармацевт.
А у Фомы – иное приключение.
Пропах он чесноком, как колбаса
И псы бродячие, себе на развлечение,
Его кусали чуть не полчаса!
Когда в село вернулись бедолаги,
Опять задуматься заставили про грипп –
Согласно «санпросветовской бумаге»
Кто вакцинировал обоих, тот осип.
Ведь, целый день журил обоих знатно:
– Самолечение не даёт добра!
И пациентам стало всё понятно –
На счет ошибок, сделанных вчера...

За чужой счёт

Бывает – давние ошибки
Напомнят о себе потом,
Когда не только лишь улыбки
Остались в детстве золотом...
Фома в родительской кладовке,
С наследством вместе, отыскал
Рогатку из которой ловко
Когда-то в воробьёв стрелял.
Теперь стыдом запунцовели
Вдруг щёки – аппетита гладь,
Хотя привычки не имели –
Так чувства прежде выдавать.
На пионерском как-то сборе
Не дрогнул мускул ни один,
Когда за воробьёв в укорё
Его назвали: – Хунвейбин!
Тогда в Китае эту птаху,
Гоняли на потеху всех
И вот теперь готов на плаху,
Фома пойти за давний грех...
Рогатку бросил на пол прямо,
Над ней поклялся наперед,
Что заповедник лучший самый

Для воробьёв он разобьёт!
Обнёс деревню городьбою
И запретил теперь шагать
Соседям шумною гурьбою,
Чтобы пернатых не пугать!
Запрет навел на огороды,
Мол, где бурьян, там птицам – кров!
Велел не брать из речки воду:
– Оставить всю для воробьёв!
Так, не на шутку разошелся,
Что донял всех вокруг себя.
И укорот тогда нашёлся
На «Заповедник воробья».
Фоме велели, коль азартен,
Использовать свой личный двор.
К соседям по земельной карте:
– Не лезть! Такой вот уговор...
Не по душе Фоме порядки,
Сам жить не смог без огурцов.
Теперь по огороду – грядки
И пугало от воробьёв!

Пропагандист

Погожих дней весной бывает много:
И солнце светит с самого утра,
И тропочка подсохла у порога,
Что вдаль ведёт с родимого двора.
Но радости особой не настало
Не душе Фомы, с того, что снег сошел.
Куда ни глянь – «подснежников» немало,
Каких в сугробе в жизнь б не нашёл...
Вон – вытаяли от бутылок пробки,
Которыми стрелял на Новый год,
Пустые поллитровки из-под водки,
Окурки и подобный сорный сброд.
Хозяин почесал в сердцах затылок,
Да делать нечего: – Уборка на носу!
Сперва избавился от банок и бутылок,
Надёжно спрятав за селом в лесу.
Потом листвою опавшей занимался –
Собрав в мешки, отнёс до клуба в сквер.
Субботник красный там предполагался,
Что не забыл давнишний пионер.
За хлопотами утомился знатно.
Сел на крыльцо, пустил сигарки дым.
И тут же захотелось на попятный,

Так как сгустились тучи вдруг над ним.
Из сельсовета гости тропкой чистой
Пришли, чтоб похвалить: – За «День труда!».
А после речи – долгой и цветистой,
Фома и понял: – Не видать добра...
Он не ошибся – как пример другому,
Его поднял народ на высоту.
С обменом опыта поехал по району –
Пропагандировать борьбу за чистоту!
Так убеждать поднаторел в итоге,
Что сам себе однажды стал не мил:
Припомнил лес, куда шагали ноги,
Когда свой мусор прятать уносил.
И сквер у клуба, где с листвой варначил,
Забыть не смог, терзаясь всей душой.
Домой вернувшись – всё переиначил.
Убрал, как нужно, мусор за собой!

Кормушка

Своя скотина греет и надеждой
На то, что в зиму мяса будет всласть.
И нужно слыть уж истинным невеждой,
Чтоб раньше времени гуся на плаху класть.
Всему свой срок. Морозы вот нагрянут,
Тогда и опустеет птичий двор.
Ну а пока все жилы птицы тянут,
Когда несешь им ежедневный корм.
Вот почему сельчане жаждут зиму.
Её приход избавит от хлопот.
Ну а потом забитую скотину
Пусть покупает городской народ!
Сараи у друзей почти что рядом.
Фома из теса строил без затей,
Когда на пилораме был завскладом
И выгоды не упустил своей.
А вот Ерёма собирал обрезки.
И половняк кирпичный подбирал,
Но всё равно не сдует ветер резкий
Тот хлев бесхитростный, что на дворе создал.
Кормёжка, правда, вышла ему боком –
Сам недоест, а хрюшкам отнесёт...
А вот Фома решил проблемы скопом –

За склад ответственность уж зерновой несёт.
И вот мороз их уравниал немножко –
Забойщик действовал, как истый молодец.
И вот уже от поросёнка ножки
Отправиться готовы в холодец.
Всё остальное у Ерёмы принял,
Заготовитель, осмотрев товар:
Чтоб на боку у туши штампик синий
Поставил сельский их ветеринар.
Зато Фома отвёз свою свинину
На перекрёсток в городской черте,
Где прибыль – больше чем наполовину.
И вся идёт лишь одному себе.
Да вот беда – прищучили барыгу.
Стихийный рынок – риском напоён.
И не доход он получил, а – фигу!
И чуть не описали даже дом,
Когда нашли колхозное зернишко
И с лесопилки не учтенный тёс.
Все что семье своей «на молочишко»
Фома ночами то возил, то нёс...
Ерёма ж на себя не зря батрачил,
Хоть денег дали – не унять слезу.
Он все их до копеечки потратил,
Когда весною приобрёл козу!

Диета

Молока стакан на завтрак –
Ничего полезней нет!
Будешь день пахать как трактор,
С этой лучшей из диет.
От того Фома довольный!
И не только молоком,
Он ещё и борщ свекольный
Уважает за столом.
Может скушать и котлету,
Разминаясь перед сном,
Утром сесть, чтоб на диету
С вездесущим молоком.
И не с магазина в крынке
Жидкий он продукт несёт.
Исключительно на рынке
Молоко всегда берёт!
Но не всё коту – сметана!
Стал дороже каждый «кус».
И зарплаты уже мало,
Утолять, чтоб прежний вкус.
Вот Фома и догадался:
– Пью своё лишь молоко!
Козу купить он постарался,

Сбив из дома кое-что.
Экономия с кормами
Очень нравится Фоме,
Ведь, «молочница» с рогами
Пасется не в его дворе.
То по скверу «снимет сливки» —
Обглодав на клумбе цвет.
То заблеет как на спевке,
У обелиска съев букет.
Про козы хитрющей, козни,
Все соседи говорят.
И дошло уже до розни —
С ним встречаться не хотят...
Вдруг, однажды, «покупное»
Снова тащит до двора.
— Время выдалось такое! —
Объясняет всем Фома.
Был Ерёма словно братом,
А теперь не стал скрывать
«Акты», что всем депутатам
Надоело составлять.
— Теперь кончилась волынка! —
Понял всё Фома про то.
Сбыл козу. Дешевле с рынка
Пить на завтрак молоко!

Тяпка по закону

Сорняк полоть не всякому охота,
А что поделать, нежели растёт?!
И что ни лето, та же всё забота –
Рубить под корень вражеский осот...
Про тяпку оттого Ерёма помнит.
Наточит так, хоть брейся по утрам!
А вот Фома по этой части скромник –
Полоть не любит сорный всякий срам.
Продергает лишь огурцы в охотку,
Чтобы в засолку было что спускать,
А в остальном не станет и за водку
Геройство трудовое проявлять.
И всё бы ничего, живи в пустыне,
Где никому нет к тебе.
А так – соседи вешают на тыне
Ему напоминанья о беде.
Мол, твой сорняк засеял всю округу,
Мешает нам растить свой урожай.
Вот и Ерёма попросил, как друга:
– Ленишься и филонить отвыкай!
Но как оставить прошлые привычки?
Не стал Фома рубить свой молочай.
И сорняки, как пламя из-под спички,

Так расползаются, хоть руки опускай...
И вновь укоры слышит от соседей,
Но не желает разуму внимать.
– Привыкните! Не графы и не леди! –
На критику Фома стал отвечать.
Есть аргумент для спора и важнее:
– Мой огород! И нечего учить.
Лишь захочу, крапивой всё засею,
А то репейник стану разводить!
Но тут Закон по этой теме вышел.
Вздыхнула с облегчением страна,
Ведь, власть теперь по строгости пропишет,
Тому, кто землю портит, как Фома!
– Лишиться огорода? Да, ни в жизни! –
Фома вздохнул и тяпку взял острей...
Вот так всегда – где мало укоризны,
Закон поможет строгостью своей!

Утоление жажды

Кто не прогуливал уроки анатомии,
Тот помнит, что программа говорит.
Мол, организм наш от того в гармонии,
Что из воды по сути состоит!
А вот Фома с Ерёмой в разночтении:
– Как это можно – «Из одной воды»?
Когда друзья имеют и влечение
К напиткам, доводящим до беды.
Один мешает пиво с «белой» водкою,
Другой – не против кофе с коньяком,
Когда и бутерброд простой с селёдкой
Хмельную мутит голову потом...
Да и лечение с водой совсем не связано.
Фома рассол изводит по утрам.
А у Ерёмы дома все обязаны –
Квас подавать, коль взять не сможет сам.
О том ещё приятели заспорили:
– Под газом, что полезнее всего?
«Оранж» – из апельсинов что спроворили
Иль «Кола» – непонятно из чего?
Тот разговор случился в чистом поле.
Их агрегат доставку ждал семян.
Ещё заправщик потерялся что ли?

У поваров в работе был изъян...
Никто не вёз обед, да и горячее
Закончилось у трактора внутри.
И зной полуденный усугубил всё прочее:
Во фляге не оставив и воды.
Берёзовый был колок, к счастью, рядом.
Там тень нашли колхозники себе.
И вспомнили про детства чудо-влагу,
Которую пивали по весне...
Топор имелся в тракторе Ерёмы.
На сеялке Фома нашел ведро.
И там, где зеленели густо кроны,
Отведали вкуснее, чем «Ситро».
Кто сок берёзовый испил, хотя б однажды,
Тот понял бы их радость, и восторг.
Когда в колке том утолили жажду,
Никто похвал иному не исторг.
Потом доставили компот, зерно, солярку.
А сев закончив – в оптимальный срок,
В «Сельпо» пошли, потребовать: – К прилавку
Берёзовый чтоб поставляли сок!

Маёвка

Не просто с багажом расстаться детским.
Когда-то галстук радовал Фому.
Да и Ерёма с горным пионерским
Не раз отряд водил своё по селу!
Под кумачом ходили вместе парни –
На демонстрациях, как весь честной народ.
Где колотушкой ритм даёт ударник
И каждый лозунг над собой несёт.
Потом в селе забыли про маёвки,
Лишь в городе ещё дудела медь,
Так что Ерёма, в купленной обновке
Туда и ездил праздник посмотреть.
Вот и теперь собрался чин по чину.
И даже Маркса облик не забыл.
Вот – на портрете с бородой мужчина,
В коммуну кто дорогу проложил!
Готов Ерёма взять двойной билетик,
Как за багаж, чтоб только довели,
Да и по-праздничному нынче солнце светит,
Так что не жалко смятые рубли.
Но нет автобуса. – Маршрутка опоздала! –
Решил Ерёма жалобу писать.
А тут Фомы ещё не доставало,

Который вышел друга обсмеять.
Напомнил складно он про выходные,
Добавленные Думой в эти дни:
– Так что автобусники наши дорогие,
На отдыхе, как все сегодня мы!
Ерёме горько от того, что праздник
Не встретит, как обычно повелось.
И вновь Фома – безудержный проказник,
Так просветил, что мало не пришлось:
– Не трать до города, ты, время на поездку!
Все демонстранты сами будут тут!
С граблями, вилами и прочей той «железкой»,
Которых требует весной садовый труд!
И верно! Потянулись к ним на дачи,
Те, кто обычно шли под кумачом,
Чтоб проявиться в поисках удачи,
Где лодыря не сманишь калачом.
Тогда к Ерёме мысль пришла иная.
Он классика портрет в чулан отнёс.
Лопату взял. И, огород копая,
Любимый марш свистел себе под нос!

Защитник

У праздников закономерность видно,
Когда их отмечают от души –
С подарками, чтоб было не обидно
И угощением, хотя бы из лапши...
Фома гарнир не уважает слишком –
Ему б котлет побольше или рагу.
А если поднесут и стопаришко,
Прощенье вынесет и злейшему врагу.
Сегодня глянул в календарь на стенке,
А там число – знакомое до слёз.
Припомнил, как стоял он на коленках,
Прям на горохе: – Двойку что принёс.
Ещё наказывали шалости с куреньем –
Отец ремня за «Беломор» давал.
И в угол ставили всего за подозренье,
Что спичками спалить мог сеновал.
Воспоминанья горестны особо
Сегодня, когда праздник на дворе:
Детей все защищают очень строго
И полное раздолье детворе!
За них Фома налить изволил чарку.
Ерёму за столом не позабыл,
Ведь в детстве тот диктант свой – без помарки,

Ему списать однажды разрешил.
А также защитил когда-то в детстве
От «неуда» – подсказкой у доски.
Фому не заподозришь в раболепстве,
В знак благодарности – подкладывал куски.
Но вот Ерёма стал самокритично
Смотреть на прошлое, отведав пищи той.
Сказал Фоме: – Учился б сам отлично,
Коль бы не прятался за дружеской спиной!
И смог бы лучшего в своей добиться жизни,
Не списывая у других ответ...
Была сермяжной правда в укоризне,
Жаль, опоздал по времени совет.
Виновных не всегда мы долго ищем.
– Сломал судьбу, коль, с детства самого! –
В отместку, прямо в ухо кулачищем,
Фома ударил друга своего...
У потасовки было окончанье –
Обоих собутыльников свезли
Туда, где штрафовали в наказание:
В квитанции за циферкой – нули.
Попозже наступило примиренье.
И уяснили твердо мужики,
Что юного защита поколенья,
Совсем не требует сжимать всем кулаки.

Грибники

На вилке гриб – вкуснее нет закуски!
В пирог грибочки можно поместить...
А потому влечёт характер русский
В сезон дождей с лукошком походить.
Ерёма отпуск взять готов к опятам,
Оставить, чтобы у пеньков следы,
Где в полный рост, как на посту солдаты
Уж поднялись заветные грибы.
И у Фомы на этот самый случай
Складной есть нож и два пустых ведра.
И пусть комар над ним летает тучей,
Не испугает даже мошкара.
Осталось – не проспать сезон лисичек,
Подняться рано – с утренней зарёй.
И трель будильников, устроив переключку,
Успешно справилась с задачей такой.
Шагают в лес друзья одною тропкой,
Едва рассвет раскрасил окоём.
Пружинистой охотничьей походкой –
Быстрей чтоб оказаться за селом.
Зато в осиновую тень или в ельник хвойный
Заходят, будто вместе не росли:
Ерёма остаётся тем довольный,

Что показалось шляпкой из земли.
А вот Фома – иного лёта птица –
Разроет всё, что только видит глаз.
Не жаль ему растерзанной грибницы,
Мол, есть других немереный запас.
Где он прошел «бульдозером» по лесу,
Другой грибник, зря ног своих «не бей»;
Всем прочим не оставит интереса
Сей браконьер «охоты тихой» дней.
Да и в свой пай не очень-то уловист
Фома с методой «выжженной земли».
И оттого, что не тревожит совесть,
Вослед ему поганки выросли.
Иная есть привычка у Ерёмы –
Те навещать поляны, где бывал,
Там открываются с маслятами хоромы,
Волнушек поджидает карнавал.
Всегда найдёт и рыжиков в лукошко,
На прежнем месте – есть боровики.
И груздь глядит из кочки, как в окошко:
– Меня, приятель, тоже забери!
И вот друзья выходят на опушку.
Всё – чин по чину даже у Фомы.
Ведь, чтобы встречных снова «взять на пушку»,
Насыпал в вёдра шишек под грибы...

Дурман

Осенний день всех накормил изрядно:
Томаты вызрели, картошкой – завались...
Но огородной улицей парадной
Не все готовы с гордостью пройтись.
Крадется тип, листвы надергав с хрустом,
Свой «урожай» несет, скрываясь в тень.
Ведь раздобыл не брюкву, не капусту,
А то, к чему, с «колючкой» бы плетень.
Там где пустырь заброшен в год ленивый,
Приличный злак уже не зацветёт,
Зато под резкий запах коноплиный,
Отрава беззастенчиво растёт.
Вот здесь свое и отыскал он «счастье» –
Ловец чужой податливой души,
Готовый – поделиться личной страстью
К сигарке с дымом терпким анаши.
Покурит сам и угостит другого.
Пока: – За так! Потом: – Неси деньги!
И вот еще одна судьба готова
Сесть «на колёса» или «на иглу»...
Идёт добытчик тропкой опустевшей,
Дорога людная ему – не по нутру.
Но всякий видит – конный или пеший,

Чем завтра соблазнит он детвору.
Остановить немедленно такого!
Привлечь за то, нарушил что закон!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.